

Трансформация включения стран ЛКА в глобальную экономику

17 мая 2016 г. в Институте Латинской Америки РАН в рамках международной конференции «Новые реалии современного экономического, политического и культурного развития Иберо-Америки и их учет в международной деятельности РФ», посвященной 55-летию ИЛА, состоялось заседание научной секции «Трансформация включения стран ЛКА в глобальную экономику». Участники мероприятия проанализировали экономическую ситуацию в латиноамериканских странах и постарались ответить на следующие вопросы: каковы внутренние и внешние причины рецессии; каковы перспективы выхода на траекторию экономического роста; как будет меняться стратегия государств региона в среднесрочной перспективе с учетом новых факторов и рисков глобальной экономики?

Ключевые слова: рецессия, экономический цикл, финансовая система, ТРП, ССТ, Бразилия, Венесуэла.

Л.Н.СИМОНОВА, кандидат экономических наук, руководитель Центра экономических исследований ИЛА РАН (модератор секции)

Новые глобальные вызовы и Латинская Америка

В 2015 г. страны Латинской и Карибской Америки (ЛКА) вошли в полосу рецессии. По данным Всемирного банка, средние темпы экономического роста составили -0,7% — наиболее низкий показатель за последние 30 лет за исключением кризисного 2009 г. В основе нынешних трудностей лежат прежде всего глобальные сдвиги в мировой экономике, которые отражают смену экономического цикла (окончание эпохи так называемого золотого десятилетия, которую отличали высокие цены на сырье, дешевые кредиты и приток капитала на развивающиеся рынки в результате «политики количественного смягчения» в США и переход к новому технологическому укладу). Вместе с тем глобальный уровень воздействия неблагоприятных факторов в значительной степени определяется конкретной социально-экономической и по-

литической ситуацией в каждой отдельной стране, ее устойчивостью к внешним шокам.

Ухудшение экономического положения отмечалось в большинстве государств: в среднем по ЛКА объем инвестиций сократился на 7,7%, безработица выросла до 7,7% экономически активного населения (ЭАН), бюджетный дефицит достиг 6,9% ВВП. Уровень инфляции подскочил до 7%, при этом в Бразилии он составил около 10%, в Аргентине — 14%, а в Венесуэле превысил 100%. Выросли государственный долг (до 57% ВВП) и выплаты по его обслуживанию, на 9% сократился приток прямых иностранных инвестиций в регион. Падение курса национальных валют к доллару в 2015 г. достигло двузначных цифр (13% в Чили, Колумбии, Мексике и Уругвае, 27% в Аргентине, свыше 30% в Бразилии), существенно усилив инфляционное давление.

В последние два десятилетия определяющее влияние на уровень цен и объемы сырьевого экспорта из региона оказывал высокий спрос со стороны быстрорастущей экономики Китая, который стал в 2010 г. крупнейшим торговым партнером большинства стран ЛКА. Однако помимо стимулирования сырьевого экспорта, выручка от которого помогла правительствам государств Латинской Америки обеспечивать финансирование социальных программ и избежать прямых негативных последствий кризиса 2008 г., «китайский фактор» одновременно закладывал под региональную экономику «мину замедленного действия». Так, он сыграл заметную роль в неблагоприятном изменении структуры промышленного производства Бразилии и в деградации целого ряда отраслей ее обрабатывающей промышленности. Замедление темпов роста в Поднебесной в 2014—2015 гг. и начавшийся процесс структурных изменений в ее экономике, основанных на стимулировании внутреннего спроса и переходе от материалоемких и трудоемких производств к капиталоемким и высокотехнологичным, снизили потребности в импорте сырья, что оказало долгосрочное воздействие на уровень мировых цен на него.

Наиболее серьезное ухудшение экономической ситуации в 2015 г. наблюдалось в Венесуэле и Бразилии. В Венесуэле негативный эффект от падения мировых цен на нефть, экспорт которой обеспечивал свыше 60% бюджетных доходов страны, был существенно усилен неблагоприятными внутренними факторами. Национализация предприятий и торговых сетей, контроль над ценами, множественный валютный курс и введенное в 2015 г. ограничение импорта товаров повседневного спроса и промышленных полуфабрикатов привели к самому глубокому за последние 70 лет экономическому спаду.

Ухудшение экономической ситуации в Бразилии на фоне снижения цен на основные товары сырьевого экспорта, роста бюджетного дефицита, сокращения социальных программ, коррупционного скандала вокруг государственной компании «Petrobras» (крупнейшего инвестора Бразилии) вылилось в массовые социальные выступления бразильцев. Президент страны Дилма Руссефф, продемонстрировавшая неспособность принимать адекватные решения в условиях социально-политического кризиса, в 2016 г. была отстранена от должности. Для восстановления предпринимательской деятельности и потребительского спроса, столь необходимых для вывода страны из рецессии, потребуются не только известные меры стимулирования (что весьма сложно в условиях растущего бюджетного дефицита), но и готовность руководства последовательно проводить институционные реформы и бороться с коррупцией.

Согласно прогнозу Всемирного банка, в 2016 г. ситуация в ЛКА в условиях глобальной неустойчивости будет оставаться напряженной, а темпы роста экономики вряд ли выйдут из зоны отрицательных значений. Сокращение объема ВВП ожидается в Бразилии, Аргентине, Венесуэле и Эквадоре, что может сказаться на общих показателях экономического развития стран Южной Америки.

Сохранение низких цен на сырье и сокращение экспорта в Китай продолжат оказывать негативное влияние на рост производства и потребления в государствах региона, экономика которых в значительной степени зависит от экспорта сырья. В свою очередь повышение стоимости заемных средств и переориентация инвесторов на рынки развитых стран отрицательно скажутся на притоке иностранного капитала в регион. Низкий внутренний спрос, высокие банковские риски и неуверенность инвесторов будут отрицательно влиять на динамику инвестиций в основной капитал. Дефицит госбюджета и неизбежное снижение государственных расходов в большинстве стран ЛКА существенно ограничат возможности по стимулированию экономического роста, включая финансирование проектов инфраструктуры, поддержку экспортных производств и малых и средних предприятий (МСП), выполнение социальных программ. Закредитованность населения, снижение реальных доходов и рост безработицы отрицательно скажутся на потребительском спросе, который наряду с высокими ценами на сырье и растущим спросом со стороны Китая был одним из факторов экономического роста в «золотое десятилетие».

Сегодня можно констатировать, что страны региона оказались на пороге нового экономического цикла, когда экспорт сырья перестает быть основным локомотивом экономического развития. Новые экономические реалии характеризуются высоким уровнем конкуренции, низкими темпами роста мировой экономики и торговли, большей волатильностью финансовых рынков, основным трендом которых становится массированный приток капиталов в США (в отрасли и производства нового технологического цикла). Их объем только в форме прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в 2015 г. вырос на 92%. Глобальные вызовы требуют существенного пере-

смотра стратегии экономического роста ЛКА и выработки новой модели включения в международное разделение труда, предусматривающей переход от преимущественно сырьевой специализации к производству товаров с высокой добавленной стоимостью, перестройку национальной экономики на современной технологической основе и развитие человеческого капитала.

П.П. ЯКОВЛЕВ, доктор экономических наук, руководитель Центра иберийских исследований ИЛА РАН

Латиноамериканская экономика в эпицентре «идеального шторма»

Латинская Америка — единственный регион развивающегося мира, демонстрирующий темпы прироста ВВП ниже среднемировых. Почему это произошло? В чем причины того, что она оказалась в столь незавидном положении, которое можно определить как эпицентр «идеального шторма»? И каковы перспективы выхода региона на траекторию экономического роста?

«Идеальный шторм» — это фразеологизм, используемый в метафорическом смысле для описания ситуации, возникшей путем сложения ряда неблагоприятных факторов, в результате чего их суммарный негативный эффект ощутимо возрастает. В латиноамериканских странах отклонение экономики от сравнительно равновесного состояния периода 2003—2013 гг. («золотое десятилетие») в сторону торможения и рецессии произошло именно в результате сопряжения внешних и внутренних негативных эффектов. Сейчас возможности динамичного роста в логике прежней модели (динамичный рост внутреннего рынка и благоприятная международная конъюнктура) практически исчерпаны.

Внешние обстоятельства можно назвать эффектом глобальной неожиданности: в течение сравнительно короткого времени (полтора-два года) радикально изменились (в неблагоприятную сторону) международные условия экономического развития латиноамериканских стран. Они хорошо известны: замедление глобального роста, неблагоприятные перемены в Китае, снижение спроса и падение цен на сырье и продовольствие, сокращение возможностей финансирования извне и т.д. Но при всей важности внешних факторов, на которые, кстати, Латинская Америка почти не может повлиять, решающую роль в торможении экономического роста сыграли внутренние причины. В частности, в основном израсходованы национальные резервы накачки потребительского спроса и субсидирования отдельных отраслей экономики.

По общему экспертному мнению экономический рост в большинстве стран региона блокируется отсутствием давно назревших структурных и институциональных реформ. Соглашусь с данным тезисом. Это — главное, но далеко не все. С большой долей уверенности можно утверждать, что один из ключевых факторов торможения латиноамериканской экономи-

ки — огромное (по некоторым оценкам, самое большое в мире) имущественное неравенство, ставшее барьером на пути дальнейшего роста.

Немалую роль в увеличении разрыва в доходах между группой сверхбогатых людей и остальными гражданами играет структурный фактор — «архаичная и дисфункциональная фискальная система», позволяющая владельцам крупных компаний или легко уходить от уплаты налогов, или сводить их до минимума. Только за один 2014 г. потери бюджетов государств региона от подобной практики составили, по минимальной оценке, порядка 190 млрд долл. Сама по себе цифра огромная, но реальный ущерб был еще больше.

Макроэкономические масштабы приобрели такие явления, как коррупция и незаконное обогащение людей во власти, что с особой силой дало о себе знать в последние годы, имело разрушительные экономические и политические последствия. Размеры финансовых потерь от банального воровства поражают воображение и разоряют даже самые богатые государства региона. Парадигмальные примеры — Аргентина и Венесуэла. В каждой из этих стран в последнее десятилетие чиновники украли сотни миллиардов долларов. Разумеется, их экономики не могли выдержать такого финансового кровопускания. Ситуация, до боли напоминающая российскую.

Таковы, с моей точки зрения, основные внутренние факторы торможения. Другими словами, Латинская Америка сталкивается с комплексом проблем, для решения которых недостаточно принятия мер финансово-экономического характера. Необходима санация политического истеблишмента, критически важно очищение власти, как бы утопично это ни звучало. И в этом чрезвычайная сложность ситуации.

Что касается собственно хозяйственных вызовов, то в Латинской Америке для устойчивого экономического развития нет количественных ресурсных ограничений — сырьевых, продовольственных, трудовых и даже финансовых (деньги, при желании, можно найти и тем самым обеспечить инвестиции). Проблема состоит в эффективном использовании этих ресурсов и (где необходимо) улучшении их качественных характеристик. Решение указанной проблемы видится в стратегическом переходе экономик латиноамериканских стран на новую модель функционирования, системообразующие принципы которой можно сформулировать следующим образом:

- приоритетное внимание постоянному повышению качества человеческого капитала и сокращению социальных дисбалансов;
- региональная конвергенция национальных производственных систем на базе углубления интеграционных процессов и реализации масштабных трансграничных инфраструктурных проектов;
- закрепление (при помощи государства) лидирующей роли местных транснациональных корпораций («мультилатинас») в процессе активного включения латиноамериканских предприятий в глобальные цепочки создания добавленной стоимости. По сути, речь идет о выращивании *«национальных чемпионов»*.

Особенно важен макроэкономический смысл инклюзивной стратегии общественного развития — существенного повышения доходов основной массы населения, ликвидации вопиющего имущественного неравенства и решения других острых социальных проблем.

Подводя итог, замечу следующее. Нельзя ничего упрощать. Ситуация в регионе резко осложнилась. Латинская Америка попала в стратегический цугцванг: шаг вперед в любом направлении сопряжен с крупными издержками, потерями и жертвами, чреват малоприятными сюрпризами. Но констатация этих трудностей — не повод для пессимизма, а стимул для продуманных и активных действий, нацеленных на очищение элит, инноватизацию производственных структур, апгрейд региональных институтов и механизмов.

Н.Н. ХОЛОДКОВ, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра экономических исследований ИЛА РАН

Латинская Америка в глобальной валютно-финансовой системе. Новые вызовы и проблемы

Интеграция Латинской Америки в мировую финансовую систему не избавила государства региона от родимых пятен валютно-финансовой нестабильности. По-прежнему имеются не только потенциальные, но и реальные внешние и внутренние предпосылки перерастания существующих дисбалансов в валютно-финансовой сфере экономики в более серьезные потрясения. В большинстве случаев позитивная связь между либерализацией операций по капитальным счетам, увеличением потоков частных краткосрочных ресурсов слабо коррелируется с долгосрочными целями в области развития, что в сочетании со все более неустойчивыми потоками капитала предопределяет сохранение, а нередко и усиление уязвимости латиноамериканских стран перед внешними шоками.

На протяжении значительной части первых годов XXI в. во многих странах региона наблюдались быстрый экономический рост и улучшение состояния баланса по счету текущих операций, накопление валютных резервов. Заметно ускорился приток иностранного капитала. Ожидание более высокой доходности на развивающихся рынках было для зарубежных инвесторов привлекательной альтернативой на фоне низких процентных ставок в развитых государствах. Все это в целом способствовало быстрому выходу латиноамериканских стран из глобального финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг.

Способность проводить политику, которая противодействовала экономическому циклу, а не усиливала его, была беспрецедентной в истории региона. В быстром выходе из глобального финансового кризиса 2008/2009 гг. ряд исследователей увидели признак того, что страны региона смогли побороть силу притяжения развитых государств и выйти на свою собственную, независимую экономическую орбиту. Однако вывод об обособле-

нии их траектории роста сегодня выглядит уже не столь убедительно. К середине текущего десятилетия они оказались перед долговременными системными вызовами, отражающими как мировые тенденции, так и внутренние барьеры развития.

Высокая динамика роста, отмечавшаяся на протяжении лет начала века, была обусловлена преимущественно чрезвычайным совпадением таких положительных внешних факторов, как быстрый рост международной торговли, бум цен на биржевые товары, широкий доступ к сравнительно дешевым источникам внешнего финансирования, растущие денежные переводы эмигрантов. Позитивное влияние этих факторов существенно уменьшилось, а в ряде случаев приобрело отрицательную динамику в результате финансового кризиса в странах с развитой экономикой. Семь лет спустя после кризиса 2008/2009 гг., на фоне вялого роста глобальной экономики, возросшей неустойчивости мировых валютных и финансовых рынков повысилась уязвимость региона перед лицом внешних шоков.

Потенциальная и реальная уязвимость латиноамериканских стран в нынешних условиях стали заметно острее и являются не только следствием ухудшения мировой конъюнктуры, но и отражением нерешенных внутренних структурных проблем и сохраняющихся дефектов мировой финансовой архитектуры. В текущем десятилетии регион уже менее чем в 2008—2009 гг. способен противостоять таким неблагоприятным тенденциям, как падение мировых цен на биржевые товары, торможение активности зарубежных инвесторов или изменения в денежно-кредитной политике США.

Текущие реалии латиноамериканской хозяйственной жизни вполне вписываются в общемировой фон замедления деловой активности. В результате ухудшения условий мировой торговли потери региона составили в 2015 г. примерно 92 млрд долл., что эквивалентно 1,9% регионального ВВП. Наибольшие издержки понесли страны-экспортеры углеводородов, что в сочетании с увеличением оттока капитала означало серьезное ухудшение их экономических перспектив. Замедлились темпы роста, а в ряде стран произошло снижение абсолютных объемов ВВП. Согласно последнему прогнозу Всемирного банка (июнь 2016 г.) экономика ЛКА испытает в 2016 г. спад в размере 1,3%. Вслед за снижением на 0,7% в 2015 г. это станет первым более чем за 30 лет случаем рецессии на протяжении двух лет подряд.

Сократились поступления иностранного капитала. В 2014 г. приток ПИИ в страны Латинской Америки и Карибского бассейна снизился до 2,6% ВВП по сравнению с 3,2% в 2013 г., или на 16% (в количественном выражении с 190 до 150 млрд долл.). Ускорило обесценение национальных валют. За 11 месяцев 2015 г. бразильский реал обесценился по отношению к доллару на 41%, колумбийский песо — на 36,9%, мексиканский песо — на 19,4% и т.д. При этом ослабление валют латиноамериканских стран сопровождалось ростом суверенных кредитных спредов (ростом стоимости обслуживания долга). Их уровень увеличился в 2015 г. более чем на 300 базисных пунктов, т.е. на 3,0% (базисный пункт = 0,01%).

Возросли риски обострения долговых проблем. В латиноамериканских странах они усиливаются неослабевающим оттоком средств с внутренних рынков. Эти риски кроются даже не в абсолютном размере долга и не в его соотношении с ВВП (эти показатели пока остаются в большинстве случаев на приемлемом уровне). Более тревожная ситуация складывается в структуре внешней задолженности. Ее анализ выявляет довольно негативную тенденцию: наблюдается увеличение краткосрочных обязательств. На протяжении 2010—2014 гг. портфельные инвестиции и депозиты в банках региона составили 53% общего притока иностранного капитала в Латинскую Америку по сравнению с 30% в предшествующие пять лет. Растущая «приватизация» потоков капитала и тот факт, что они зачастую являются результатом чисто финансовых операций, а не сделок, связанных с реальными инвестициями, повышают нестабильность этих потоков, динамика которых характеризуется внезапными остановками и разворотами тенденций. Ввиду очень крупных объемов обращающихся при этом средств по сравнению с размерами экономики многих латиноамериканских стран, финансовая глобализация в нынешних условиях стала для многих из них серьезным дестабилизирующим фактором.

Увеличение притока краткосрочного капитала, характеризующегося повышенной степенью волатильности, представляет собой особенно серьезный вызов в существующих внешних условиях. Об этом свидетельствует и исторический опыт региона. В течение 1980-х, 1990-х и в начале 2000-х годов Латинская Америка прошла через ряд экономических и финансовых кризисов, вызванных внезапным прекращением притока капитала. Ярким примером является мексиканский «текиловый кризис» 1994—1995 гг., когда курс песо резко упал, а темпы экономического роста рухнули, после того как период устойчивого притока капитала неожиданно сменился его бегством. Всего лишь несколько лет спустя Бразилия (в 1998—1999 гг.) и Аргентина (в 2001 г.) пережили аналогичные валютные кризисы.

Эти недавние потрясения демонстрируют, что латиноамериканские страны по-прежнему уязвимы перед лицом неожиданной смены направления движения капитала. Начавшиеся в 2013 г. сильные колебания локальных рынков являются, возможно, только первой фазой разворота потока портфельных инвестиций, который устремлялся в страны региона в предшествующие годы. С мая 2013 г. по сентябрь 2015 г. иностранные инвесторы вывели с фондовых рынков развивающихся государств 77,9 млрд долл. Из них на Латинскую Америку пришлось 22,7 млрд долл. По имеющимся оценкам дальнейшие потери рискуют зафиксировать финансовые рынки Бразилии, Мексики, Чили и Колумбии. По данным «Wall Street Journal», в Бразилии некоторые штаты оказались на грани дефолта. Так, в 2016 г. власти штата Рио-де-Жанейро не выплатили 8 млн долл. по кредиту, предоставленному Французским агентством развития.

Нельзя исключать возможность дальнейшего роста в ряде стран региона напряженности в обслуживании своих внешних финансовых обязательств. Развитие такого сценария вполне реально, особенно в условиях, когда находящиеся

на рекордно низком уровне процентные ставки в Соединенных Штатах, по всей видимости, постепенно повысятся, а цены на сырьевые товары будут оставаться на сравнительно низком уровне. Даже скромные увеличения процентной ставки, на которые пойдет Федеральная резервная система США, усилят мировую конкуренцию за доступ к капиталам и сделают обслуживание внешнего долга более дорогостоящим.

Сохраняющаяся в последние годы повышенная неопределенность в динамике общемировых трендов дает основания для вывода, что набор этих вызовов носит системный характер. Потенциальная уязвимость латиноамериканских стран усугубляется сохраняющимися дефектами международной финансовой архитектуры. Основные параметры нынешнего финансового цикла мировой экономики определяются главным образом денежно-кредитной политикой развитых государств. Принимаемые ими меры, как показывает практика, плохо сочетаются с интересами и потребностями развивающихся стран, в том числе и в плане дальнейших перспектив их развития. Напротив, как свидетельствуют недавние уроки истории, эти меры могут привести к серьезным негативным макроэкономическим и финансовым последствиям.

А.А. ЛАВУТ, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра экономических исследований ИЛА РАН

Транстихоокеанское партнерство и перспективы региональной интеграции

Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (Trans-Pacific Partnership, TPP), которое было подписано в феврале 2016 г. в новозеландском Окленде, является крупнейшим в мире торговым объединением. Это соглашение предусматривает создание обширной зоны свободной торговли (ЗСТ), основанной на очень жестких стандартах либерализации торговли. Кроме снижения и отмены тарифных барьеров оно регулирует такие вопросы, как телекоммуникации, современные услуги, цифровые технологии, нормы конкуренции, трудовое законодательство, защита интеллектуальной собственности, нормы в отношении защиты окружающей среды, санитарные и фитосанитарные стандарты, поддержка малого и среднего бизнеса. TPP, заключенное по инициативе и под непосредственным руководством США, обеспечивает их стратегические интересы в тихоокеанском регионе. Участники соглашения — 12 государств из четырех регионов мира: Северной и Южной Америки, Юго-Восточной Азии и южной части Тихого океана (Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили, Япония). На эти страны приходится 40% мирового ВВП, 10% территории мира и четверть мировой торговли.

Соглашение такого масштаба, когда оно вступит в силу после ратификации парламентами стран-членов, окажет влияние на всю систему международных экономических отношений (МЭО), на развитие процессов интеграции в мире, в том числе на страны Латинской Америки и латиноамери-

канскую региональную интеграцию. Как представляется, в целом оно негативно скажется на внутрорегиональных связях и региональной экономической интеграции, а также, возможно, на российско-латиноамериканских отношениях. Стандарты ТРП повлияют на всю международную торговлю и на нормы ее регулирования, что, по мнению практически всех экспертов, существенно снизит роль ВТО как регулятора мировой торговли, а это, по-видимому, ослабит позиции развивающихся государств в МЭО.

ТРП, как и другое мегасоглашение, Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (Transatlantic Trade and Investment Partnership, ТТИР), о котором в настоящее время идут переговоры между ЕС и США, ставят страны ЛКА перед серьезным выбором — принять новые правила игры и попытаться тем или иным образом подключиться к создаваемому крупнейшему рынку или опираться на ВТО и искать какие-то альтернативные решения. Очевидно, что решения стран ЛКА будут различными, и их стремлению говорить в один голос, которое породило создание в 2012 г. общерегиональной организации — Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC), будет нанесен ощутимый удар. Ближайшим следствием ТРП для региона, по-видимому, станет углубление политических, экономических и идеологических различий между двумя основными группами государств — между экспортно ориентированными экономиками Тихоокеанского альянса (Alianza del Pacífico, AP), Центральной и Карибской Америки и более закрытыми моделями стран Mercosur, включая Эквадор.

Ряд государств ЛКА, имеющие торгово-экономические соглашения с Соединенными Штатами и Евросоюзом об ассоциации (шесть стран Центральной Америки и Доминиканская Республика, Мексика, Колумбия, Перу, Чили, тесно связанные с США экономически и политически), в значительной степени готовы к участию в ТРП. Чили, Мексика и Перу уже являются членами ТРП, они видят в соглашении способ укрепления своих позиций на крупнейших мировых рынках, расширения возможностей внедрения в глобальные цепочки создания стоимости и выхода на более высокий технологический уровень. По некоторым оценкам больше всего из этой тройки выиграет Перу благодаря росту экспорта продукции металлургии. Выгоды Мексики и Чили, скорее всего, будут незначительными, т.к. они столкнутся с возросшей конкуренцией со стороны азиатских государств и на своих рынках, и на рынках США и Канады. Они могут выигрывать в инвестициях и получают возможность участвовать в глобальных цепочках создания стоимости, но это не автоматически. Им придется принимать меры для повышения своей конкурентоспособности и внедрения инноваций, подготовки квалифицированной рабочей силы, развитию человеческого капитала. Мексика станет более привлекательной для китайских инвесторов, для каких-то еще стран, но из-за усилившейся конкуренции на рынках США и Канады ее выгоды будут незначительными. Государства Центральной Америки, скорее всего, пострадают от конкуренции на рынке США швейной продукции из Вьетнама и других азиатских стран.

ТРР — это соглашение, формально открытое для всех государств Тихоокеанского бассейна, даже не входящих в Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), если они разделяют положения соглашения и готовы выполнить его нормы, но уже после вступления его в силу. На это может уйти полтора-два года. Среди стран ЛКА о своем желании присоединиться к ТРР уже заявили Колумбия, Коста-Рика, Панама и Гватемала — члены и кандидаты в члены АР. Скорее всего, присоединение к ТРР для них будет непростой задачей, поскольку будет много кандидатов из стран АТЭС. Кроме того, масштабному расширению партнерства могут противиться нынешние члены — основатели соглашения, поскольку они могут увидеть в дальнейшем расширении соглашения угрозу размывания своих преимуществ в доступе на рынки США, Канады и Японии. Соединенные Штаты получают возможность играть на этих проблемах и противоречиях и осуществлять явное или скрытое давление на политику кандидатов. Это ослабит переговорные возможности последних.

Больше всех, как ожидают, могут пострадать страны Mercosur. Они будут вынуждены расширять торговлю с Китаем, но это усилит сырьевую направленность их экономик. В Mercosur вероятно углубление внутренних противоречий и разногласий ввиду нынешних неблагоприятных тенденций. Несмотря на серьезные идеологические различия между государствами АР и Mercosur, экономические связи между ними, вероятно, будут развиваться довольно активно. Для Mercosur будет очень важно расширять инвестиции в странах АР в целях проникновения на рынки ТРР. Для государств АР большое значение имеет торговля с Mercosur, она во много раз превышает взаимный товарооборот между членами АР.

По-видимому, для будущего латиноамериканской интеграции мега-соглашения представляют серьезную угрозу. Вместе с тем проблемы больших различий в моделях развития, политической и внешнеэкономической ориентации между странами не новы для региональной интеграции, они существуют более десятилетия, и у латиноамериканских стран уже есть опыт взаимодействия на основе прагматизма и реализма. Все более четко формируются две интеграционные зоны, различающиеся по моделям и целям интеграции, что не исключает взаимной заинтересованности в укреплении торговых, инвестиционных, научно-технических, финансовых и прочих связей, совместном развитии транспортной и энергетической инфраструктуры, повышающем конкурентоспособность их экономик.

М. ЯНУШПОЛЬСКАЯ, аспирантка, научный сотрудник Центра экономических исследований ИЛА РАН

Соглашения о свободной торговле в новой системе координат

В настоящее время в мировой экономике наблюдаются значительные структурные изменения: снижаются темпы экономического роста, ускоряется научно-технический прогресс, развиваются глобальные цепочки соз-

дания стоимости, усиливаются тенденции к формированию мегарегиональных торговых соглашений. Эти изменения заставляют государства стремительно искать способы стимулирования экономического роста и развития. Латиноамериканские страны также стремятся адаптироваться к новым реалиям международных экономических отношений и мировой торговли.

На протяжении многих лет ВТО выступала в качестве основной организации, которая определяла правила международной торговли, однако в последние годы многостороннее принятие решений находится в затяжном кризисе, а переговоры в рамках Дохийского раунда никак не могут завершиться. При этом характер торговли стремительно меняется, и для того чтобы реализовать свои преимущества, недостаточно только регулирования торговли товарами и услугами, все большее значение приобретают вопросы регулирования инвестиций, правил определения страны происхождения, стандартов, вопросов интеллектуальной собственности, технических барьеров в торговле и ряд других аспектов.

Из-за неустойчивых успехов «Уругвайского раунда» (1986—1994) и того факта, что «Доха-раунд» (с 2001 г.) изначально был полон разногласий между членами организации, уже к середине 1990-х годов начинается настоящий бум формирования экономических группировок. В рамках системы ВТО они называются региональными торговыми соглашениями (РТС), большое количество которых регулируется в формате соглашений о свободной торговле (ССТ).

Отличительной чертой РТС является не односторонний характер обязательств, который предполагался в соответствии с «Общей системой преференций» в пользу развивающихся стран, а взаимный. По данным ВТО к настоящему моменту насчитывается порядка 449 различных соглашений, 264 из которых вступили в силу. Причем более 85% всех региональных торговых соглашений осуществляется именно в форме ССТ.

Страны Латинской Америки были одними из инициаторов «бума» соглашений, и уже давно активно заключают ССТ как с развитыми, так и с развивающимися государствами. Более того, страны ЛКА были в числе первых, кто подписал ССТ подобного рода, а некоторые из них заключению соглашений отводят центральную роль в торговой политике.

В принципе правила ВТО не запрещают заключение подобных соглашений. Несмотря на это в последние годы ССТ вызывают все больше опасений со стороны ВТО. Главный аргумент против них основан на том, что двусторонние соглашения могут решать проблемы на частном уровне, а не на многостороннем. К сожалению, нормы, выработанные ВТО, не отвечают современным реалиям, которые требуют более сложных и комплексных правил регулирования торговли. Именно поэтому многие развивающиеся страны, стремясь включиться в глобальные цепочки создания стоимости, активно заключают соглашения о свободной торговле.

Между соглашениями о свободной торговле, глобальными цепочками создания стоимости и инновациями существует прямая зависимость. ССТ естественным образом стимулирует приток ПИИ, которые, в свою оче-

редь, — один из основных способов передачи технологий и ноу-хау. В этом отношении ССТ даже более выгодны для стран региона, нежели для их развитых партнеров: Европейский союз, США и Канада активно инвестируют в Чили, Колумбию, Перу.

Несмотря на то, что вопрос регулирования глобальных цепочек создания стоимости был в повестке дня ВТО еще в 2012 г., к настоящему времени не принято никаких решений. Кризис многосторонней системы рискует стать особенно серьезным в условиях создания мегарегиональных соглашений. Недавно завершились переговоры по созданию ТРП, цель которого — дополнение и расширение уже существующих соглашений о свободной торговле. Уже сейчас формирование этого блока вызывает опасение у малого бизнеса и ВТО. Более того, этот мегарегиональный блок будет иметь влияние на государства не только Латинской Америки, но и других регионов. Так как большинство вопросов повестки дня еще не регулируются на многостороннем уровне, в случае, если ТРП будет ратифицирована раньше, чем завершится «Дохийский раунд», обязательства, взятые странами в рамках мегаблока, сформируют их позицию и в рамках ВТО, поменять которую будет весьма сложно. Именно поэтому, несмотря на критику со стороны некоторых деловых кругов, государства региона участвуют в переговорах, боясь оказаться «за бортом».

Китай, в свою очередь, не желая быть исключенным из происходящих в мировой экономике процессов, объявил о создании Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP) между Китаем, Австралией, Индией, Новой Зеландией, Южной Кореей и Японией. Хотя часть стран участвует и в RCEP, и в ТРП, повестки мегаблоков различаются между собой, что в долгосрочной перспективе может особенно негативно отразиться на многосторонней системе.

Однако наибольшие опасения вызывает ТТИР — соглашение о свободной торговле между США и ЕС, которое будет покрывать порядка 40% мировой торговли. Так как переговоры ведутся в закрытом режиме, сложно делать предположения о том, какие договоренности могут быть достигнуты. Тем не менее маловероятно, что это соглашение будет соответствовать принципам открытого регионализма, как минимум потому, что уже на стадии переговоров некоторым странам (Канаде и Турции) было отказано в присоединении к процессу.

Большинство стран латиноамериканского региона стараются адаптироваться к новым условиям. Несомненными лидерами в данном процессе являются Мексика, Чили, Перу и Колумбия, входящие в АР. Эта группировка уже демонстрирует свою эффективность, а некоторые эксперты склонны видеть в этом блоке своеобразную «рабочую группу» в рамках ТРП. Несмотря на то, что Колумбия пока не присоединилась к мегасоглашению, нельзя исключить возможность того, что в ближайшее время она станет 13 участником ТРП.

Россия также начинает активнее использовать механизм ССТ. 29 мая 2015 г. между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), в состав кото-

рого входит Россия, и Вьетнамом (который, кстати, является и членом ТРП) было заключено соглашение о свободной торговле. В настоящий момент рассматривается возможность подписания подобных договоров сразу с несколькими зарубежными партнерами. К сожалению, среди них нет представителей латиноамериканского региона.

Важно отметить, что сейчас речь уже не может идти об ССТ только между РФ и какой-либо страной мира. Россия, наряду с Беларусью, Казахстаном и недавно присоединившимися Арменией и Киргизией, входит в состав ЕАЭС. На этой стадии интеграции отдельная страна — член группировки не может самостоятельно вести переговоры о заключении соглашения о свободной торговле с третьими странами: решение о целесообразности того или иного ССТ принимается всеми государствами.

В сложившихся непростых условиях основная задача России в данном случае — оперативно найти способ адаптироваться к современным условиям: рассматривать страны Латинской Америки не только с точки зрения опыта по заключению ССТ, но и как возможных партнеров по соглашениям.

Л.Б.НИКОЛАЕВА, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра экономических исследований ИЛА РАН

Инновации в добывающей промышленности. Нефтяная отрасль Бразилии: связь производства и науки

Обеспеченность Латинской Америки природными ресурсами дает ей определенные сравнительные преимущества. И вопрос состоит в том, смогут ли латиноамериканские страны воспользоваться этим обстоятельством для эффективного включения в мировую экономику, для перехода на более высокую ступень экономического и инновационного развития.

Примером нового подхода к роли добывающих отраслей может служить нефтегазовая промышленность Бразилии, развитие которой доказывает, что добыча природного сырья может стать основой для развития и продвижения собственных технологий и обеспечить базу для генерации знаний, обучения, аккумуляции возможностей и наращивания потенциала.

Бразилия стремится максимально использовать все возможные механизмы стимулирования инноваций для развития отрасли: государственные программы, создание отраслевых фондов, собственных научно-исследовательских центров, установление тесных связей между производством и университетами, формирование кластеров, стимулирование сети локальных поставщиков, включение в глобальные цепочки создания стоимости, политику поддержки малого и среднего бизнеса и др.

Приток ПИИ в нефтедобычу и разработку полезных ископаемых стал одним из главных двигателей роста бразильской экономики в последнее

десятилетие. В свою очередь доходы от нефтегазовой отрасли — основной источник инвестиций в бразильскую экономику. По оценке Банка социально-экономического развития Бразилии инвестиции в этот сектор составляют около 12% всех инвестиций в основной капитал страны.

За отбор и финансирование проектов государственных исследовательских институтов отвечает Бразильское инновационное агентство, оно же является координатором основных участников процесса: компаний, университетов, технических институтов, научно-исследовательских центров и других государственных и частных учреждений. Работа ведется через 12 отраслевых фондов, в числе которых «СТ-Petro» (Ciência e Tecnologia do Sector Petróleo e Gas Natural) — крупнейший научно-исследовательский фонд Бразилии. Основная задача «СТ-Petro» — стимулировать инновации в производственных цепочках отрасли, развивать человеческие ресурсы и создавать ассоциации между предприятиями и университетами. Финансирование «СТ-Petro» формируется из платы за право на разработку недр.

В развитии нефтегазового сектора Бразилии государство сыграло определяющую роль. Нефтегазовая промышленность здесь формировалась как бы «сверху», волею государственных структур, и этот процесс сопровождался высокими рисками. Компания «Petrobras» была создана в тот момент, когда в стране еще не было разведано крупных запасов нефти, ее создание было обусловлено дефицитом этого сырья. Успех отрасли стал результатом целенаправленной политики, основанной на накопленных знаниях и аккумулировании возможностей. «Petrobras» во многом способствовала развитию сети поставщиков для нефтяной и газовой промышленности и сумела выстроить эффективную систему отношений между предприятиями, государственными структурами и университетами.

Со временем «Petrobras» превратилась в основного координатора сети. Ей удалось привлечь самые передовые с точки зрения инноваций транснациональные компании, которые расширили свою деятельность в Бразилии, превратившись из чистых импортеров в производителей, из производителей в инжиниринговые фирмы, а затем и в научно-исследовательские центры.

«Petrobras» имеет собственный научно-исследовательский центр — Centro de Pesquisas Leopoldo Américo Miguel de Mello (CENPES) — крупнейший в Южной Америке. Она же является лидером по числу патентов и инновационных разработок среди всех бразильских компаний. Кроме того, корпорация помогает совершенствовать исследовательский потенциал на университетском уровне, что, несомненно, сыграет важную роль в долгосрочном научно-технологическом развитии страны. Помимо CENPES разработками для нефтяной отрасли также занимается один из крупнейших технопарков, созданный на базе Федерального университета Рио-де-Жанейро. Бразилии удалось создать уникальную технологию глубоководного бурения и стать лидером в этой сфере, таким способом здесь добывают 22 % всех углеводородов.

Государственный сектор остается доминирующим источником финансирования НИР в Бразилии (около 58%). Государство стремится развивать собственный научно-технологический комплекс, стараясь подключить к инвестициям частный бизнес. Однако увеличение доли участия бизнеса в финансировании НИР — вопрос организации сектора добывающей промышленности и структуры собственности его крупнейших предприятий.

«СТ-Petro» и решение Национального агентства по нефти (Agência Nacional do Petróleo, Gas Natural e Biocombustíveis, ANP) об отчислении 1% на НИР сыграли важную роль для пополнения университетов и других государственных исследовательских центров дополнительными средствами на исследования.

Растут и расходы зарубежных компаний в НИР. Когда доходы невелики, нефтяные компании в основном направляют средства на университетские исследовательские проекты, которые помогут им в их производственной деятельности на территории Бразилии. Однако, когда появляется возможность инвестировать большие суммы, зарубежные компании начинают думать о создании собственных лабораторий для проведения НИР. Так было с британской «BG Group», которая, потратив на НИР около 200 млн реалов (второе место по инвестициям после «Petrobras»), решила открыть собственную лабораторию по НИР в технологическом парке Федерального университета Рио-де-Жанейро (Centro Tecnológico Global (GTC) de BG Group). Помимо «BG Group» в последние годы здесь открыли свои научно-исследовательские лаборатории и другие международные компании — поставщики услуг и оборудования для нефти и газа; среди них: «Schlumberger», «Baker Hughes», «Halliburton», FMC, «Tenaris-Confab», «Siemens», «General Electric», «Vallourec» и «GeoRadar».

Несмотря на наличие разнообразных финансовых инструментов, предприятия и научные центры часто сталкиваются со сложностями в получении финансирования. В Бразилии, как и в других странах региона, не хватает квалифицированных кадров, специалистов, способных вести серьезные исследования, выполнять опытно-конструкторские работы.

В 2003 г. произошли существенные изменения в концепции ведения бизнеса в сфере нефтегазовой отрасли и взаимодействия с Национальной индустрией поставщиков услуг и оборудования Бразилии. Во-первых, ANP внесло изменения в процедуру проведения конкурсов и лицензирования. Введено требование об участии национальных агентов (т.е. локальных компаний). Изначально доля локализации в новых проектах составляла 60%, в последующих тендерах доля участия национальных компаний была повышена до 70%. Во-вторых, принята правительственная программа развития национальной нефтяной промышленности (Programa de Movilización de la Industria Nacional de Petróleo, PROMINP). В рамках этой программы ставилась задача довести до максимума участие локальных/национальных поставщиков оборудования и услуг в глобальных цепочках создания стоимости углеводородной отрасли на условиях конкуренции. Вопрос об уча-

стии локальных компаний в производственных цепочках стал играть ключевую роль в нефтегазовой политике Бразилии.

Для определения ряда ограничений в деятельности компаний (локализации) власти разработали свод норм и правил для поставщиков. Давая толчок развитию национальной промышленности, такая политика все же имела определенные издержки. Ужесточение контроля сопровождалось чрезмерной бюрократизацией, применение свода правил для поставщиков сдерживало приток инвестиций, выросли расходы на мониторинг. Кроме того, политика локализации проводилась в отрыве от политики в области инноваций. Для отбора компаний-поставщиков не хватало четких критериев, так необходимых для создания стимулов для постоянных инновационных разработок.

Открытие месторождений Presal в 2007 г. предоставило новые возможности для бразильской нефтегазовой индустрии. Она не только вышла на высокий уровень производства, но и посредством CENPES разработала стратегию, позволившую удвоить мощности, установить тесные связи с основными поставщиками, интегрированными в «Petrobras», и тем самым преодолеть многие технологические проблемы. «Petrobras» проводила строгую селективную политику в отношении иностранных сервисных компаний и поставщиков для глубоководной добычи нефти, выбирая тех, кто максимально соответствовал направлениям НИР, проводимым CENPES.

В 2008 г. была принята «Политика развития производительности» («Política de Desenvolvimento Produtivo», PDP), направленная на укрепление экономики страны, обеспечение устойчивого экономического роста и стимулирование экспорта. Среди прочих в нее вошли и такие направления, как нефтегазовая и горнодобывающая промышленность. А в августе 2011 г. стартовал план «Большая Бразилия» (Plan Brasil Maior), который развил основные положения PDP. Была запущена программа «Inova Empresa», призванная сократить разрыв между спросом и предложением инновационных решений. Эта программа имела отраслевой формат, важной ее частью была «Inova Petro», которая связывает/учитывает финансовые возможности Агентства по финансированию исследований и проектов (Financiadora de Estudos e Projetos, FINEP) и Банка социально-экономического развития (Banco Nacional de Desenvolvimento Econômico e Social, BNDES) с технологическим потенциалом «Petrobras», чтобы выделить приоритетные направления финансирования на каждом из этапов цепочки создания стоимости в нефтегазовой отрасли. До 2017 г. «Inova Petro» рассчитывает получить от BNDES и FINEP порядка 3 млрд реалов.

**А.И. ЛОСЕВ, научный сотрудник Центра политических исследований
ИЛА РАН**

Бразилия и США — трудный диалог

Изучая отношения Бразилии и США, прежде всего, следует обращать внимание на то, что оба государства являются крупнейшими странами —

демократиями Западного полушария. В этой плоскости США являются лидером Северной Америки, а Бразилия уже много лет пытается стать центром влияния Южной Америки.

Невзирая на широкий круг сфер взаимодействия, отношения двух государств во многом противоречивы. Большую часть XX в. американо-бразильские связи носили преимущественно прагматичный характер. Во времена правления военных бразильская стратегия в международных отношениях основывалась на «автоматическом равнении» на Соединенные Штаты. Военная диктатура Бразилии была обеспокоена проблемой распространения в Латинской Америке коммунистической идеологии, как Вашингтон, так и Бразилия одинаково видели угрозу безопасности Западного полушария из-за влияния Советского Союза. Но со временем бразильская модель внешней политики стала брать курс на максимальную независимость. Эпоха «независимой внешней политики» правительств Жаниу Куадруса и Жоао Гуларта была направлена не только на демонстрацию независимости от внешнеполитического курса Соединенных Штатов, но и на реальные шаги в этом направлении.

Первой серьезной вехой в процессе охлаждения отношений между странами стало заключение в июне 1975 г. бразильско-западногерманского соглашения о сотрудничестве в области мирного использования ядерной энергии. Этот эпизод осложнил отношения Бразилии и Вашингтона, поскольку США стремились воспрепятствовать развитию ядерных технологий в странах Латинской Америки.

Военные Бразилии на протяжении десятилетий разрабатывали сценарий, при котором их страна могла бы отвечать всем требованиям статуса мировой державы. В центре внимания были такие параметры, как обороноспособность, развитые технологии, международный престиж и многое другое. Тем не менее, несмотря на успехи в ВПК, перевооружение армии, освоение собственной огромной территории, Бразилия была и остается во многом зависимой от американской поддержки. Бразильская армия вынуждена полагаться на технологии США в вопросе технического перевооружения. Кроме того, для бразильцев бесценен опыт, приобретаемый в совместных военных учениях с американскими ВС.

Отношение Вашингтона к Бразилии сложно охарактеризовать однозначно. С одной стороны, Бразилия — это страна, которая разделяет западные ценности, культуру и образ жизни. Она неоднократно выступала союзником и партнером США. Президент США Барак Обама назвал Бразилию «незаменимым партнером» в спектре различных проблем, начиная от международного развития и заканчивая темой изменения климата. Часть американского истеблишмента придерживается мнения, что бразильская сторона способна помочь Соединенным Штатам разделить бремя ответственности по таким сложным вопросам, как безопасность и стабильность в Западном полушарии. До недавнего времени Бразилия была успешным посредником в острых вопросах между США и странами Латинской Америки. Еще недавно Вашингтон испытывал сложности в решении своих воп-

росов в регионе без помощи бразильской дипломатии. Однако с другой стороны, Вашингтон внимательно наблюдает за поведением своего партнера. Усиление роли Бразилии как в Южной Америке, так и в мире вызывает озабоченность в Белом доме. Американская геополитическая модель не предполагает появления в Западном полушарии другого сильного игрока, пусть и во многом дружелюбно настроенного. Бразилия уже неоднократно демонстрировала склонность к осуществлению самостоятельных проектов в области ВПК и проводила военные учения без участия США.

Одним из серьезнейших камней преткновения в отношениях Бразилии и США, пожалуй, стал проект Всеамериканской зоны свободной торговли (Area de Libre Comercio de las Américas, ALCA) с участием всех латиноамериканских государств. Разработанный в Вашингтоне, этот проект был призван упростить процедуры взаимной торговли: снять барьеры для товаров и инвестиций. При беглом взгляде представляется, что внешнеполитическая линия Бразилии при президенте Фернанду Энрики Кардозу (1995—2003) — тяготение к универсализму, расширение доступа на мировой рынок — идеально состыковывалась с участием в ALCA. Однако на деле из-за некоторых опасений позиция бразильского МИД была сдержанной. Существовали предположения, что ALCA — не столько договор о свободной торговле, сколько инструмент для усиления контроля над всем латиноамериканским регионом со стороны США. Считалось, что либерализация торговли угрожала положению миллионов трудящихся в Латинской Америке. Высоки были и риски «падения» латиноамериканских экономик, не способных преодолеть как асимметрию в развитии по сравнению с США и Канадой, так и выдержать конкуренцию с ними. Разумеется, не исключен был и другой, альтернативный сценарий развития событий — проект мог стимулировать модернизацию производства и развитие национальных экономик. Возможно, вопреки мнению скептиков, проект помог бы создать новые рабочие места. Однако, бразильский истеблишмент решил не испытывать судьбу, и при поддержке латиноамериканского сообщества, дипломатическими путями проект ALCA был сорван.

Любопытно следующее обстоятельство. Спустя годы Западное полушарие в ходе изменений экономического ландшафта в каком-то смысле возвращается к идее ALCA естественными путями. Механизм был запущен с момента подписания Соглашения о свободной торговле Центральная Америка — США — Доминиканская Республика (US—Central America—Dominican Republic Free Trade Agreement, CAFTA—DR) в мае 2004 г. Затем TPP и AP дали дальнейший импульс процессу формирования торговых соглашений, напоминающих по сути ту картину, которая могла сложиться, если бы ALCA воплотилась в жизнь. Еще одной причиной разногласий между Бразилией и Вашингтоном является умеренная и более сдержанная позиция Бразилии по отношению к режимам и государствам, признанным США или агрессорами, или нарушающими права человека. Эта тема стала вновь подниматься, как и при администрации Джимми Картера (1977—1981).

Учреждение Союза южноамериканских наций (Unión de las Naciones del Sur, Unasur), где важной вехой стало создание в 2008 г. Южноамериканского совета обороны (Consejo de Defensa Suramericano, CDS), — консультативного органа по вопросам безопасности и обороны Западного полушария, где впервые не были представлены Соединенные Штаты, заметно ослабило доверие США к Бразилии. Для многих учреждение CDS стало сигналом к тому, что бразильская политика активнее демонстрирует самостоятельность, давая понять, что не нуждается в покровительстве Вашингтона. Для самой Бразилии это — способ закрепления имиджа главного миротворца на латиноамериканском пространстве.

Бразилия стремится удержать баланс в международной дипломатии, не поддерживая санкционную политику США в отношении отдельных стран или личностей, что, в свою очередь, вызывает недовольство в Вашингтоне. Примером может послужить позиция Бразилии в отношении Венесуэлы. Разница в подходах к региональной проблематике США и Бразилии особенно обнажилась в 2009 г., когда в Гондурасе произошел военный переворот. Спустя несколько месяцев после свержения законного правительства Вашингтон признал новые власти. Бразилия же не только отказалась от признания нового руководства Гондураса, но и предоставила политическое убежище свергнутому лидеру Мануэлю Селайе. Это относится и к «восточной проблематике», когда южноамериканский гигант отверг политику силы в отношении кризиса в Ливии в марте 2011 г. Бразилия, как и ее партнеры по блоку (тогда еще BRIC), при поддержке Германии воздержались от принятия резолюции против режима М.Каддафи. Часть западных экспертов расценили эту меру как страховку воздержавшихся стран на будущее, на случай, если у них самих «что-то пойдет не так». Заняв более нейтральную позицию в отношении воссоединения России с Крымом, Бразилия не оправдала ожидания Вашингтона.

Говоря об американско-бразильских отношениях нельзя не упомянуть о скандальных разоблачениях Эдварда Сноудена, бывшего сотрудника Агентства национальной безопасности (АНБ) США. Ставшая общеизвестной информация о том, что спецслужбы Вашингтона ведут систематический электронный шпионаж за многими государствами, включая латиноамериканские, вызвали волну недовольства. Неоднократно специалисты в области международных отношений говорили о том, что, если феномен «левого поворота» запустил процесс отдаления Латинской Америки от США, то разоблачения бывшего служащего АНБ лишь усилили эффект.

Амбициозные проекты Бразилии зачастую вызывают неодобрительные комментарии из Белого дома, например, тема бразильского ВПК. На сегодняшний день Бразилия занимает заметный сегмент на рынке вооружений, ее индустрия динамично развивается. Тем не менее часть зарубежных политиков и экспертов обеспокоены тем, что нередко это оружие поставляется в страны, где фиксируют нарушение прав человека, опасность геноцида и наблюдается нарушение Конституции. Существует и другой возможный

камень преткновения: Бразилия занимает второе после США место в мире по производству биоэтанола — экологически чистого топлива будущего. Современные технологии по производству биоэтанола делают Бразилию основным конкурентом США в выходе на европейские рынки.

Тяжелейший общегосударственный кризис, происходящий сегодня в Бразилии, все чаще вынуждает специалистов делать прогнозы о том, что социально-политические и экономические потрясения в стране не только ощутимо снизят внешнеполитическую активность страны, но и, вероятнее всего, повлекут за собой необходимое для стабилизации ситуации сближение с США.

Материал к публикации подготовила Л.Н.СИМОНОВА
(ludmila-simonova@yandex.ru)

Transformation of inclusion of ALC in the global economy

Abstract: May 17, 2016, a meeting of the scientific section «Transformation of inclusion of ALC in the global economy» took place at the ILA RAC. The event was held within the framework of the International Conference «New realities of economic, political and cultural development of Iberoamerica and their integration in international activities of the Russian Federation», devoted to the 55 anniversary of the Institute. The participants analyzed the economic situation in the region and tried to answer the following questions: what are the internal and external causes of recession in countries of the region, what are the prospects of economic growth, how will change the strategy of Latin American countries, taking into account new factors and risks to the global economy?

Key words: recession, economic cycle, financial system, TTP, free trade agreements, Brazil, Venezuela.